

Наш разговор шел в домашней гостиной Паулса за чашкой кофе, а рядом отбивали время старинные часы. Они известили о том, что маэстро стукнуло шестьдесят два.

Лечу с одним крылом

— Раймонд Волдемарович, а вы скучаете по российской публике?

— Откровенно? Скучаю, хотя это чувство стараюсь поглубже спрятать в своей душе, ведь встречаться нам удастся все реже и реже. Наши страны бедны и не могут позволить себе обмен культурными ценностями на межгосударственном уровне. Пока лишь Лайма Вайкуле, которая успешно продолжает свою концертную деятельность на просторах бывшего СССР, напоминает россиянам о том, что «старинные часы» еще идут...

— Как вам все это время жизни и живется?

— Композитор создан из того же материала, что и всякий человек. А общественные пертурбации — стресс для каждого. Национальное возрождение застало меня на очень узком посту министра культуры. Были меня и справа, и слева. Русскоязычные за то, что якобы хотел отправить их пешком в Псковскую область, и за то, что будто бы закрыл Рижский молодежный театр. Мои земляки — за то, что у меня русская жена, с русскими слушателями общаюсь по-русски, что мои песни звучат на русском... За то, что на содержание театров нет бюджетных денег, тоже в ответе был министр культуры. В конце концов, подал в отставку, хлопнул дверью.

Все остальное тоже, как у людей: лопнул банк, которым управлял мой бывший коллега, министр финансов, сгорели мои деньги. А потом сгорела и дача в Юрмале, в которой я многое сделал своими руками...

— Но вы ведь были одним из самых высокооплачиваемых латвийских советских композиторов. Помню даже, что вас — редкий случай в советское время — шантажировал вымогатель, грозился убить, если не доставите сверток с деньгами в определенное место...

— Действительно, раньше огромный Союз давал неплохие гонорары. Придешь в сберкассу, смотришь, за месяц тебе тысяч десять накопало. Но разрушилась эта система, в одночасье рубль превратился в клочок бумаги, и все обеднели...

Но деньги для меня никогда не были смыслом жизни, не стали трагедией и потерей. Обратившись в милицию, когда меня действительно шантажировали, я защищал не деньги, а принцип, что человек должен их зарабатывать честным трудом. Между прочим, верность этому принципу привела меня сейчас и в политику. Осенью я намерен баллотироваться в парламент. Дело в том, что многие латвийские политики запятали себя именно страстью к грязным деньгам. Не скрою, в Латвии у меня есть имя, есть популярность, незапятнанное прошлое, и я намерен примкнуть к партии честных людей, чтобы помочь им выйти в Сейм.

Что же касается шантажиста, то эскортиром оказался настоящий маньяк, до этого он уже убил двоих. Зато теперь я спокойно отношусь к потокам

грязи и лжи в мой адрес, которые льются со страниц нашей «неподкупной» печати, хотя официально предвыборная кампания еще и не начиналась.

— Долгое время вы оставались безработным «экс-министром»?

Думаю, что я родился в рубашке. Дело в том, что мне прямо-таки с рождения везет на хороших людей. Словом, через каких-то два-три месяца моей «безработицы» за роляем мне позвонил только что избранный президент Латвии Гунтис Улманис. Он как раз формировал команду и предложил мне должность советника по культуре. Я, естественно, сразу же согласился. Ведь от первой ноты до гонорара дорога по нынешним временам длинная, а кушать, как говорится, хочется всегда. Работа давала возможность заниматься тем, чем я занимался в советское время: даю советы, устраиваю мини-концерты для посещающих Латвию высоких особ, сопровождаю президента во время официальных визитов. С удовольствием играл, например, для королевы Дании, королевской четы Швеции, президентов Вацлава Гавела, Альгирдаса Бразаускаса, Леннарта Мери. Постепенно пошли и музыкальные заказы, приглашения выступить с ансамблем «Кукушечка», сольной программой. Теперь готовим концерт для двух роялей с моим давним партнером и другом Хариесом Башем, он запланирован в марте в Национальной опере.

Мои политические оппоненты не замедлили обозвать меня «придворным музыкантом». Я отшучиваюсь без всякой обиды — мол, Моцарт тоже ведь был придворным музыкантом. А у нас, в Латвии, и «двора»-то нет. Зато хороших людей всегда было достаточно.

Мои боги, мои педагоги

— Расскажите, пожалуйста, про этих хороших людей, на которых вам везет.

— О них — с удовольствием! Потому что каждый не только помог мне, но и оставил во мне частицу себя. Во-первых, это папа с мамой — Волдемар и Алма-Матилда. Поразительно, как в простом рабочем-стекольщике и малограмотной крестьянской девушке жила такая всепоглощающая любовь к музыке, что своего сына они во что бы то ни стало захотели увидеть знаменитым музыкантом! Более того, в трудное военное и послевоенное время они нашли оптимальный путь к реализации своей мечты...

— К роялю не привязывали?

— Да, между прочим, отказав себе во всем, купили для меня старенький рояль (не пианино!) и, верно, только что не привязывали меня к нему, контролируя, чтобы добросовестно выступив на нем все задания! По себе знаю, что Россини был прав: нет пытки мучительней, чем обучение музыке!

— В таком случае, как все же вырастают известные музыканты?

— Наступает момент, когда количество переходит в качество. У меня такой момент был связан... со сценой и двумя дамами: незабываемой фантастической Милдой Озолей-Бобровой, преподавателем истории и директором семилетней школы, а также с Ольгой Боровской, замечательной пианисткой и прекрасной учительницей музыки. Первая, невероятной энергии человек,

очень любила театр, музыку и всех своих питомцев, в том числе и меня. Ясно, что в ее школе был свой театр, ясно, что я там был королем, так как не только был занят в спектаклях, но и играл на рояле. Это Озоле-Бобровой я обязан страстью к сцене и к концертной деятельности. Это она помогла мне впервые узнать, что такое успех, причем успех на школьной сцене значил для меня не меньше, а может и больше, чем позже успех на эстраде. Теперь, к сожалению, таких бесребренников-энтузиастов просто нет. Моя учительница музыки Ольга Боровская в свое время в Петроградской консерватории занималась у профессора Вельшау, большого друга Сергея Рахманинова. Она сразу поняла, насколько трудно мальчику ради музыки жертвовать ребяческими забавами, и всячески пыталась подсластить пилюлю. И добрым словом, и между прочим, конфетами.

— Говорят, сладости уже много лет вам полностью заменяют горькую...

— Да, дай бог памяти, в августе будет тридцать пять лет с тех пор, как не выпил ни глотка, даже пива. А до этого имел почти десятилетний стаж завзятого выпивохи. Началось с игры в ресторанах, на танцульках и вроде бы невинных юношеских пиршеств. За пьянку и прогулы несколько раз висел на волоске от исключения из консерватории... И всякий раз исключение откладывали лишь благодаря одному человеку, моему педагогу Герману Брауну, виртуозу-пианисту и концертмейстеру... Последний раз он практически прикрыл меня собой... Помню, в 1956 году во время пьянки в консерваторском буфете урезонить меня подошел сам ректор, профессор Янис Озолынш. Во время войны он написал «Песню латышских стрелков» и несколько других произведений для хора и оркестра Латышской стрелковой дивизии, а потому вел дружбу с другим Янисом, первым секретарем ЦК КП Латвии Калнберзиншем. Ректор тоже только что принял и в записке спросил ни с того ни с сего: вы, может быть, вторую Венгрию здесь хотите устроить? (Советские войска только что вошли в Будапешт.) А что, если надо, и устроим, ответил я. Пьяному ведь море по колено.

Увольняли начали с заседания комитета комсомола консерватории. На разборку, почувствовав, что пахло жареным, пришел и Герман Браун. Когда дело уже шло к концу, он поднялся и спросил: стоит ли придавать столько значения перебранке двух пьяниц? Повисла тишина. И вдруг встает старшеступенчатый фортепианный факультет и заявляет: да, в пьяном виде ректор ко мне приставал и даже чуть не изнасиловал. И все закрутилось вокруг этого инцидента, а меня решили в последний раз предупредить. К счастью, в тот раз все обошлось и для профессора Брауна.

Герман Браун умер в 1979 году от сердечного приступа, сразу же после концерта в сельской глубинке. До этого ему успели много крови попортить за то, что его брат эмигрировал в Израиль.

Не могу забыть, как он, профессор, непревзойденный виртуоз, предложил мне, студенту, исполнить с ним (он за вторым роялем) Фортепианный концерт Отара Тактакишвили. И

Еще идут старинные часы

Раймонд Паулс о себе, музыке и женщинах в его жизни

как был рад моему успеху, когда нас встретили на ура!

Я стоял на краю пропасти

— И все-таки, как вам удалось «завязать» с выпивкой?

— Здесь тоже судьба плюс воля. Судьба послала мне к этому времени женщину, беззастенчиво поверившую в меня как в музыканта и человека, Светлану Епифанову, мою жену, которую все сейчас знают как Лану Паулс. Могу смело сказать, что лишь благодаря ее любви и терпению на протяжении сорока с лишним лет есть такой композитор и музыкант Раймонд Паулс. Не случайно только ей одной я посвятил несколько мелодий...

— Когда вы впервые увидели Лану?

— Мы гастролировали в Одессе с какой-то страшно халтурной командой «Мы из Риги». Лана случайно попала на этот концерт, а потом один мой знакомый привел ее на нашу вечеринку и познакомил нас. Я в то время уже стоял на краю пропасти, называемой алкоголизмом, не хватало какого-то метра, чтобы полететь вниз. Но в тот вечер, очевидно, был еще не настолько хорош, чтобы не заметить красивую женщину и не записать ее адрес.

А через какой-то уже довольно большой промежуток времени после очередного возлияния вспомнил одесскую девушку, покопался в записной книжке и написал ей, пригласил в Ригу. К моему удивлению, она приехала. Увидела мою богемную компанию, весь

этот пьяный кошмар, и уехала. Хорошо, что приехала опять и, несмотря на холодный прием у моих родителей, осталась. Нет, они не были националистами, но для отца с матерью мое пьянство по-прежнему было просто шоком, а тут вдруг еще русскую девушку из Одессы притащил! Один Бог знает, что Лана тогда пережила!

Поженились, и все усложнилось, опять-таки из-за моего образа жизни. Пришлось скитаться по чужим квартирам. Через какое-то время с большим трудом выменяли свою, крошечную, на одесскую жилплощадь Ланы. Спасибо, ее родители помогли с доплатой. Словом, начинали с абсолютного нуля. Денег не было, а если что-то появлялось, я пропивал. Жили на самой дешевой чайной колбасе, да и той не хватало. И Лана все это терпела. Только умоляла, чтобы шел лечиться. Сейчас, когда недостатка в общем-то ни в чем не испытываем, часто вспоминаем ту чайную колбасу...

В своей борьбе с моим алкоголизмом Лана нашла поддержку у людей, к которым я относился с безграничным уважением, у того же Германа Брауна, у тогдашнего заместителя директора филармонии Иосифа Пастернака и его жены, известной актрисы Лидии Фреймане. Иосиф Исаевич Пастернак очень любил джаз, тогда полузапрещенный, любил Гершвина и Эллингтона, Гарнера, Конрада, Макхью и Янга. А я играл их сочинения, которые признаны сейчас музыкальной классикой. Иногда он звал меня к себе в филармонию, и я играл ему одному. Часами.

Так вот, именно Иосиф Пастернак и Лидия Фреймане на своем «Москвиче» отвезли меня в лечебницу, расположенную в городке Олайне, столице латвийских химиков, как тогда говорили. Каких интеллигентных людей я встретил в этой лечебнице: ученые, актеры, врачи. Обидно только, что я оказался практически единственным и уникальным экземпляром, который вышел оттуда, чтобы никогда не вернуться.

Лечебница лечебницей, но я внял совету врача: выпью хоть глоток пива, и вновь начнется та гнусная жизнь, когда рюмка водки заменит тебе и близких, и друзей, и музыку. Три года попросту избегал компаний, в которых могли налить и уговорить. Только музыка и работа с утра до вечера! Бывало, просыпался в холодном поту: спилось, что опять пьян... Зато вдруг такой насыщенной и интересной стала жизнь, что я совершенно перестал бояться любых искушений, алкоголь перестал для меня существовать. Примерно так же я бросил курить: погасил сигарету в пепельнице и сказал: последняя.

Не до дам-с...

— После женитьбы для вас других женщин не существовало?

— Почему? У меня ведь есть еще три любимых женщины: дочь Анета и две внучки Анна-Мария и Моник-Ивон. Обе, кстати, гражданки Дании. Зять у меня датчанин и служит в представительстве авиакомпании SAS в Санкт-Петербурге.

Не знаю, можно ли называть отношения в нашей семье таким высоким словом — лю-

бовь? Может, это привычка: я знаю, что жена думает и скажет, она все знает про меня. Лана играет в нашей семье роль своеобразного амортизатора: умеет встать как бы между мной и моей иронией, понимает мои не всегда ловкие шутки, пропускает мимо невольные обиды. По мне — она идеальная жена. Между прочим, говорит по-латышски лучше некоторых латышей. Более того, когда-то перевела на латышский либретто оперы Бриттена «Питер Граймс».

Словом, что касается семьи, здесь я консервативен: жену и семью надо оберегать от любых потрясений. Особенно от позных и разрушительных романов, когда, как говорится, бес в ребро. В этом отношении я, к счастью, не романтик. Мне приятно бывать на людях с женой, возвращаться с работы домой, где меня ждут и любят. Приходить не пряча глаз, со спокойной душой и чистой совестью.

Знаю немало мужчин за шестьдесят, женившихся на молодых. У меня есть рецепт против подобного легкомыслия — зеркало. Подойди, посмотри на себя и подумай, кому ты сейчас нужен, кроме своей жены? Да и ей не всегда... Я реалист, в отличие от некоторых седых ромео, которым все еще кажется, что в него, в его талант может беззастенчиво влюбиться юная леди. Маразм. Да и работы много, не до дам-с, как говорится.

— Вы считаете себя хорошим главой семьи?

— Средненьким. Так как по дому ничего не делаю, все на жене. Да и кофе в постель не подаю. Пока. Но могу. И с удовольствием. Есть, однако, у нас обоих одно хорошее качество: мы никогда не спорим о деньгах. Ни тогда, когда у нас их не водилось, ни сейчас. Все хозяйство ведет Лана. Ругает при этом латвийское правительство за растущую дороговизну. Ну, у меня есть еще одно хорошее качество: не пью, а следовательно, не творю различных глупостей. К тому же даже Лана не всегда понимает, в шутку или всерьез я что-то ляпну. Поэтому допущенную мелочь кость или лишнее слово мне чаще всего удается обернуть шуткой. В каждой семье свои заморочки. В одной муж жену называет зайкой, она его птичкой. Знаю такую, где муж с женой так уважают друг друга, что обращаются на Вы. Но это все не по мне.

Без женщин жить нельзя на свете, нет

— Так ведь, наверное, было не всегда — скажем, в богемный период, о котором вы не очень-то любите вспоминать?

— Ну, мы были очень молодые, каждую субботу и воскресенье играли на танцах и были уже достаточно популярными музыкантами. На нас ходили. С нами хотели познакомиться. Некоторые мои друзья по оркестру даже вели донжуанские списки. Я был скромнее, но, конечно же, тоже устоять не мог, хотя о своих победах не особенно распространялся. Более того, помню, даже стеснялся этих коротких романов, старался быстрее выкинуть их из памяти, ведь зарождался и протекли они в каком-то пьяном угаре.

А в зрелом возрасте почему-то не считал, что мной можно увлечься всерьез, и боялся оказаться в неловком положении. До сих пор в интересе женщины ко мне почему-то вижу больше любопытства, в лучшем случае уважения, чем желания познакомиться. Видимо, так оно и есть. На новогоднем вечере в Национальной опере одна известная дама призналась, что дамы меня даже побаиваются. Будто существует какое-то препятствие, которое мешает быть со мной на короткой ноге. Забавно.

— Некоторые поэты не скрывают, что чуть ли не каждому новому стихотворению должна предшествовать новая влюбленность, новая муза. А у вас как? Ведь вы написали так много песен о любви...

— Признаю, глядя на меня, вряд ли кто может поверить, что по натуре я лирик. Тем не менее это так. Люблю играть и сочинять лирическую музыку. Просто так. Без всякого стимула в виде раздвоенной или несчастной любви, события или идеи. Есть настроение, играю, сочиняю. А как оно появляется, не знаю. Но могу ответить. У меня про это сто раз спрашивали. Все эти романтические истории вокруг музыки создаются или писателями, или музыкальными критиками. Помню, кто-то написал рецензию на симфонию моего учителя, профессора

Яниса Иванова. Он ее прочел в присутствии автора. Первая часть, мол, раскатиная, призывная, подготовка к революции, вторая — революция, режем ее жертвам, третья — торжество новой жизни. Прочел и обратился к критику: послушайте, вы еще раз можете мне это все изложить? Когда я писал эту вещь, ни о чем не думал, но у вас все так интересно, логично...

— Как складывались отношения с певцами, с которыми вы вместе работали? Трудно поверить, что они не были в вас влюблены...

— Не буду спорить, но никаких романов с ними не было. — А Алла Борисовна? Ее «Маэстро» просто крик о любви, и не только к музыке...

— Алла — актриса, да еще тележурналистка постаралась. Но в любви она мне не объяснялась. Более того, у меня даже складывалось иногда обратное впечатление. Да и недавно, говорят, был опрос, просили назвать самую любимую народную песню, исполненную Аллой за долгие эстрадные годы. Оказалось, моя «Миллион алых роз». Пугачева здесь же сочла нужным подчеркнуть, что сама терпеть не может этот «миллион». Здесь-то и проявляется не очень приятная черта ее характера: фальшивит. Не было ведь ни одного концерта, где бы она обошлась без «алых роз»...

Впрочем, к Алле Борисовне как к музыканту и талантливой певице отношусь с большим уважением. Это уже история, но вместе мы сделали ряд песен, которые и сейчас выбивают слезу в зале. Когда она поет, готов ее слушать, хотя, конечно, можно спорить в отношении ее вкуса и сценического поведения. Но ясно: это артистка с большой буквы! А все ее скандалы и скандалчики на сцене и в гостиницах, когда публика заранее ждет, что она еще такого выкинет... Впрочем, это личное дело каждой певицы.

Но, повторяю, период нашего сотрудничества всегда вспоминаю с теплым чувством. Мы часто спорили, иногда ругались, но выходили на сцену, и нас встречали громом оваций. По двадцать концертов подряд давали в переполненных залах Москвы, это же не шутка. Благодаря той популярности мне даже пришлось выдержать самый страшный концерт в моей жизни на приеме в честь какого-то съезда КПСС. Именно там я вдруг особенно отчетливо осознал, что в этом зале моя музыка никому не нужна. Там были накрыты столы на несколько тысяч человек. Все жрали, пили и балагурили. А мы играли где-то в углу. Единственным членом Политбюро, который нас слушал, был Андропов...

Почему я там играл? Все очень просто: пообещали знание народного артиста СССР.

— И дали?

— Дали. Только позже.

— Есть ли среди нынешних звезд такие, с которыми вы бы хотели поработать?

— Очень плодотворное сотрудничество у меня сложилось с Лаймой Вайкуле. Осенью в ее новой программе появится целый ряд моих новых песен.

— Кстати, когда вы впервые услышали Лайму Вайкуле, а было это, судя по всему, в варьете бара «Юрас Перле», могли ли вы предположить, что она станет популярной и известной эстрадной певицей?

— Честно говоря, ничего такого я предположить не мог. Впервые я ее увидел и услышал шестнадцатилетней, еще до варьете. Она тогда пришла ко мне в оркестр на прослушивание. Лайма заслуживает огромного уважения тем, что сумела преодолеть темный, богемный период своей жизни и не загубила в себе таланта исполнительницы, артистки, постановщицы шоу-программ. Думаю, Лайма еще долго будет покорять публику своими песнями, вкусом, костюмами, танцами. Ее номера просто великолепны!

Сейчас немного работаю с молодой певицей Марией Наумовой. При серьезном подходе к голосу, имиджу и сценическому поведению из нее может выйти замечательная певица. Между прочим, она пела по-французски, по-английски. Я посоветовал: пой русские песни, второй Эдит Пиаф не станешь, тем более в Латвии. Сейчас реставрируется популярный когда-то в Риге клуб автодомино, так называемая «баранка», где я в юности играл на танцах. Там скоро откроется музыкальный центр «Вернисаж», и мне предложили стать его художественным руководителем. Есть у меня такой план: сделать там «примой» Марию, но это дело времени.

Первые гаммы